

#### Список цитируемых источников

1. *Священномученик, епископ Горазд*. 1 168 вопросов и ответов о православной вере / Священномученик Горазд, епископ Чешский и Моравско-Силезский. — Минск : Белорусская православная церковь, 2009. — 400 с.
2. *Гоголь, Н. В.* Собрание сочинений : в 7 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Худ. лит., 1986. — Т. 6. — 543 с.
3. *Розенталь, Д. Э.* Современный русский язык / Д. Э. Розенталь, И. Б. Голуб, М. А. Теленкова. — 5-е изд., испр. — М. : Айрис-пресс, 2003. — 448 с.
4. *Гоголь, Н. В.* Собрание сочинений : в 9 т. / Н. В. Гоголь. — М. : Рус. кн., 1994. — Т. 6 : Духовная проза. Критика. Публицистика. — 607 с.
5. Гоголевская исповедь и проповедь России : материалы и метод. рекомендации к изучению «Выбранных мест из переписки с друзьями» Н. В. Гоголя : для учителей и студентов-филологов. — Брест : БрГУ, 1996. — 29 с.
6. *Виноградов, И. А.* Гоголь — художник и мыслитель: христианские мирозерцания / И. А. Виноградов. — М. : Наследие, 2000. — 448 с.
7. *Горшков, А. И.* История русского литературного языка / А. И. Горшков. — М. : Высш. шк., 1969. — 366 с.

Материал поступил в редакцию 25.10.2013 г.

УДК 82.0

*Л. В. Прокофьева*

Учреждение образования «Барановичский государственный университет», Барановичи

### ПСИХОЛОГИЗМ КАК ПРИЁМ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ИЗОБРАЖЕНИЯ В РОМАНЕ «ГРОЗОВОЙ ПЕРЕВАЛ» ЭМИЛИ БРОНТЕ

Особое место в истории романа, в частности романа психологического, принадлежит Эмили Бронте, младшей сестре знаменитой Шарлоты Бронте, автору единственного романа «Грозовой перевал», вошедшего в золотой фонд национальной и мировой классики. Писавшая в 40-е годы, она уже мастерски владела приёмами, которые были открыты английскими писателями-психологами лишь к концу XIX века.

«Грозовой перевал» был создан в 1847 году. До его появления жанровые черты романа определялись следующим образом: «сии черты немногочисленны, хотя с первого взгляда творения сего рода представляют бесконечные разнообразия характеров, приключений, завязок, игры случаев; но вся пестрота сих изобретений приводится к двум предметам, которые можно назвать постоянными производителями романов, потому что в каждом романе повторяются. Сии два предмета — любовь и описание семейственной жизни» [1, с. 116].

Роман Эмили Бронте перевернул представление о романической прозе. Английский реализм в связи с творчеством сестёр Бронте вступил в новую для него область — внутреннюю жизнь чувств, страсти. В их романах воссоздана правдивая и психологически глубокая картина человеческого сердца [2, с. 120].

Формально роман Эмили Бронте вписывается в традицию «готических романов» о роковой любви, происках злодеев, мистических событиях. Налицо все признаки жанра: смерть, месть, искалеченные судьбы, тайны и мистика.

Произведение построено по принципу «рассказ в рассказе». Данный повествовательный приём придаёт свежесть, непосредственность восприятия разворачивающейся драмы, углубляет психологизм произведения. События в «Грозовом перевале» показаны через восприятие мистера Локвуда и служанки Нелли Дин. Локвуд «записывает» её повествование, добавляя свои замечания и наблюдения. Он настоящий психолог: «Мне интересен в большей или меньшей степени каждый обрисованный вами характер», — говорит он словоохотливой служанке [3, с. 71].

Сюжет романа представляет собой напряжённое, полное настоящих столкновений и взрывов психологическое действие. Отчасти он навеян семейными преданиями. Но источником послужили и наблюдения самой писательницы над жизнью окрестных фермеров и сквайров, в которой постоянно разыгрывались трагические и ужасные конфликты, совершались во имя наживы тайные преступления.

Несомненно, Эмили Бронте — психолог, умеющий понимать человеческую душу, проникать в скрытые мотивы поступков. Она не изображает собственно мысли, переживания и желания героя, не воссоздаёт непосредственно его эмоции и размышления, как это будут делать Л. Н. Толстой и Ф. М. Достоевский. Но писательница уже понимает характер как сложное и многостороннее единство, которое психологически интерпретируется автором через выразительные особенности речи, речевого поведения, мимического и других средств внешнего проявления психики [4, с. 4].

Обращает на себя внимание описание ситуаций с изображением внутреннего состояния героев. Хитклиф, недовольный приходом «чужака» в его владения: «*А кто привёл вас в эту комнату? — продолжал он, вонзая ногти в ладони и стиснув зубы, чтобы они не стучали в судороге*» [3, с. 36]. Перед нами — одинокий человек, переживший страшную трагедию. Муж старшей Кэти, увидевший соперника: «*Эдгар, бледный от изумления и ярости, бросился к непрошеному гостю*» [3, с. 131]. Младшая Кэти во время последней болезни отца: «*Она жалела о каждой минуте, которую не могла провести, сидя подле отца или склонившись над его подушкой. Краски её лица поблекли от бессонницы и печали...*» [3, с. 208]. Она же у смертного отцовского одра: «*Все ли слёзы иссякли у Кэтрин, или слишком было тяжким горе, чтоб дать им пролиться, но она сидела с сухими глазами...*» [3, с. 223]. Перед нами типичный пример косвенной формы психологического изображения, при которой автор рисует лишь

внешние «симптомы» чувства, не вторгаясь прямо в сознание и психику героя. Э. Бронте лишь может прокомментировать эти симптомы, назвать те процессы, которые протекают во внутреннем мире её персонажа.

Не меньший психологизм характеризует и трактовку темы наследственности. До неё эта тема была затронута в английском романе лишь Джейн Остен. Дети в «Грозном перевале» — психологическое продолжение своих родителей. Многих героев писательница вначале показывает детьми и рисует обстановку, в которой они растут. Это и найдёныш Хитклиф, и Гэртон, и Кэти. Кэти рано потеряла мать, но в наследство от неё получила «способность к сильным чувствам» [3, с. 150]. Она росла затворницей, и в ней от этого рождалось глубокое и постоянное чувство привязанности к немногочисленным близким людям: отцу и служанке. Любовь к отцу и определила её дальнейшую судьбу, порой необычайно к ней неласковую.

Большое значение в романе приобретает портрет героев, который даёт представление об их характере. Например, портрет «девочки-вдовы» Кэтрин, которую коварный Хитклиф заманил в своё поместье и выдал замуж за своего сына, чтобы стать единовластным хозяином владений обоих своих врагов: «...я прочёл в глазах только нечто похожее на презрение и вместе с тем на безнадёжность, странно неестественную в её возрасте» [3, с. 21]. Для писательницы очевидна связь внешности и состояния внутреннего мира героев. В уста внимательной и умной служанки она вкладывает очень тонкое замечание, сделанное юному Хитклифу: «При добром сердце твоё лицо стало бы красивым... даже если бы ты был чернее арапа; а при злом сердце самое красивое лицо становится хуже, чем безобразным» [3, с. 66—67].

Речевые характеристики тоже очень яркие и определяют внутреннее состояние персонажа. Например, Хитклиф к невестке обращается не иначе как «*ишельма проклятая*» [3, с. 40]. Писательница обязательно комментирует манеру выражения героя: «*сквозь стиснутые зубы*» [3, с. 13], «*огрызнулась она*» [3, с. 21], «*всхлипывал племянник*» [3, с. 159].

Реализации задач психологического анализа в романе служит и пейзаж Грозного перевала, являющийся мрачным эмоциональным фоном, на котором разворачиваются основные события повествования. Вересковые поля и торфяные болота озаряются блеском молний, на них падает тень предвещающих бурю грозовых туч, гонимых порывами сильного ветра; раскаты грома сопутствуют переживаниям мятущихся и страдающих героев.

Бронте, в силу юного возраста обладавшей в основном лишь интуитивными знаниями о человеке и его судьбе, было несвойственно традиционное для её времени изображение ангелоподобной добродетели. Добро и зло у Эмили Бронте не противопоставлены, они сосуществуют в сложнейшей психологической взаимосвязи, не знакомой даже ранним Диккенсу и Теккерею [2, с. 120]. Законченный романтический злодей, Хитклиф оказывается не злодеем, а сложной, противоречивой личностью, подчинённой социальным и психологическим законам. В четырнадцать лет он был подобран Эрншо, представителем английского богатого старинного рода. Сын Эрншо, Хиндли, став богатым наследником, подвергал его всяческим унижениям и превратил в слугу. Кэти, сестра Хиндли и возлюбленная Хитклифа, горячо и преданно любившая его, тем не менее отказалась от него и вышла замуж за «ровню» — Эдгара Линтона. Естественно, что такие жизненные неудачи нанесли непоправимый урон психике и душевному состоянию Хитклифа. Рассказчик видит его уже чрезвычайно нелюдимым, необщительным и озлобленным человеком, и он ошеломлён приёмом, оказанным ему в Грозном перевале. Герой ещё больше поражён, узнав, что Хитклиф посвятил всю свою жизнь мщению: обращался с сыном своего умершего врага Гэртоном, как со скотом; женился на сестре своего другого врага Изабелле, использовал её и их общего сына Линтона, чтобы прибрать к рукам оба богатых имения и пустить по миру всех их наследников: «Их дети будут наниматься к моему сыну, обрабатывать за подённую плату землю своих отцов» [3, с. 165]. И всё-таки в злодее живёт человек. Это поняла Кэтрин, дочь его умершей возлюбленной и его невестка: «*Мистер Хитклиф, у вас нет никого, кто любил бы вас, и сколько бы вы ни старались сделать несчастными и сына своего, и меня, нас за всё вознаграждает мысль, что жестокость ваша порождена ещё большим вашим несчастьем. Ведь вы несчастны, правда? Одиноки, как дьявол, и, как он, завистливы? Вас никто не любит, никто не заплачет о вас, когда вы умрётё. Не хотела бы я быть на вашем месте!*» [3, с. 226]

Его жалеет служанка Элен: «*Несчастный!*» [3, с. 133]. И далее: «*Он всё же человек*» [3, с. 137]. Догадывается о глубинной человеческой сути Хитклифа и Локвуд, который видит его впервые: «...мышцы его мира устроены иначе, чем у всех людей, и не передают языка души» [3, с. 23].

Интересен с психологической точки зрения ещё один образ — Гэртон, сын Хиндли, отпрыск богатого старинного рода Эрншо. Он сложен и противоречив. Читатель наблюдает динамику его развития, своеобразную «диалектику души». Вначале он «*маленький бездельник*», неуч, встречает руганью и бранью всех, кто приходит в поместье [3, с. 110]. Это объяснимо: Хитклиф, в чьей полной власти оказался ребёнок, делал всё возможное, чтобы сын умершего врага потерял человеческий облик. Однако, когда Кэти, впервые увидев своего двоюродного брата, была поражена его обликом и поведением и расплакалась, Гэртон «*был, видимо, тронут её горем*» и старался развлечь её, показывая замечательного щеночка. Эмили Бронте устами служанки Нелли Дин даёт комментарий: «...*добрые колосья, нехоленые, затерянные в сорняке, глушившем их своим буйным ростом, но всё же говорившие о плодородной почве, на которой при других, более благоприятных обстоятельствах мог бы взойти богатый урожай*» [3, с. 156]. И этот урожай всходит: под воздействием любви в Гэртоне просыпается человек. Начало этого преобразования наблюдаем в сцене получения письма Кэти. Сначала Гэртон забирает это письмо и не отдаёт Кэти: «...*хотел сперва побороть в себе доброе чувство, но потом всё-таки вытащил письмо и бросил на пол подле неё со всей присущей ему неучтивостью*» [3, с. 235]. В дальнейшем «его честная, горячая натура и природный ум быстро стряхнули с себя мрак невежества и приниженности, в котором его воспитали; а искренние похвалы со стороны Кэтрин, поощряя

юношу, побуждали его удвоить усердие» [3, с. 256]. Характер Гэртон дан в развитии, и этим определяется психологизм данного образа.

Завоевание Эмили Бронте — это психологический и социальный анализ истоков личности. В романе «чувствуешь, как жизнь, проносясь над человеком, своим огнём будто испепеляет его; в этой книге ощущение человеческой души передано так, — как она сама себя ощущает» [5, с. 344].

Для Эмили Бронте вопросы общественной жизни вторичны. «Личность, характер она рассматривает не в отношении к обществу, к другим людям, но в соотношении с временем, космосом» [2, с. 120].

Однако в романе «Грозовой перевал» социальное как бы превращается в психологическое. Писательница показывает социальное через явления психологические. Обращает на себя внимание совет богатой наследницы старинного рода несчастному найдёнышу: «Я бы на твоём месте составила себе самое высокое понятие о своём происхождении; и мысль о том, кто я такая, придавала бы мне смелости и достоинства и помогла переносить притеснения со стороны какого-то жалкого фермера» [3, с. 67]. Романтический бунт Хитклифа также вызван вполне реальной социальной несправедливостью.

Как любое явление культуры, психологизм не остаётся неизменным во все века, его формы исторически подвижны. Э. Бронте внесла свой вклад в развитие психологизма. Ею сделаны успешные попытки проанализировать внутреннее состояние и отчасти даже воспроизвести динамику душевной жизни героев. Писательница стремилась заглянуть в неожиданные бездны человеческой души, сочетая беспощадный реализм и романтическую фантастику.

Э. Бронте обогатила и «техническую» сторону психологизма: усваивая старые и осваивая новые продуктивные приёмы и способы воспроизведения внутреннего мира — психологическую деталь, психологический пейзаж, сны, видения, письма, «рассказ в рассказе» и т. д. — писательница сделала шаг к художественному освоению «диалектики души».

#### Список цитируемых источников

1. Кожин, В. В. Происхождение романа / В. В. Кожин. — М. : Наука, 1993.
2. Гениева, Е. Ю. Развитие критического реализма / Е. Ю. Гениева // История всемирной литературы : в 9 т. — М. : Наука, 1989. — Т. 6. — С. 119—120.
3. Бронте, Э. Грозовой перевал / Э. Бронте. — М. : Вече-Рипол, 1994.
4. Страхов, И. В. Психологический анализ в литературном творчестве / И. В. Страхов. — Саратов : СПИ, 1999.
5. Притчетт, В. С. Непримируемые воители «Грозового перевала» / В. С. Притчетт. — М. : Фомо, 2000.

Материал поступил в редакцию 25.10.2013 г.

УДК 82–311.2

Т. М. Пучинская, кандидат педагогических наук, доцент

Ж. В. Косціна

Установа адукацыі «Баранавіцкі дзяржаўны ўніверсітэт», Баранавічы

#### ПОСТМАДЭРНІСЦКІ СТЫЛЬ РАМАНА В. КАЗЬКО «ХРОНІКА ДЗЕТДОМАЎСКАГА САДУ»

Праблема постмадэрнізму разглядаецца прадстаўнікамі філасофіі і розных гуманітарных навук — эстэтыкі, літаратуразнаўства, паліталогіі, псіхалогіі, бо «постмадэрнізм ці не самае спрэчнае і цымянае філасофскае і культуралагічнае паняцце, што мае наймаверную колькасць розных азначэнняў: стан ведаў у найбольш развітых сучасных грамадствах, інтэлектуальнае стыхійнае бедства на тле поўнага разбурэння рацыяналізму, чарговы філасофскі міф і інш. Гэтае моднае паняцце выкарыстоўваюць шырока» [1]. Адныя даследчыкі лічаць, што постмадэрнізм — спецыфічнае светаўспрыманне, асабліва мастацкая свядомасць, якую можна адшукаць у далёкіх перыядах літаратурнай гісторыі, своеасаблівы стыль творчасці; іншыя — мастацкая з'ява, што пашыралася з 60—70-х гадоў XX стагоддзя. Як сцвярджае Е. Лявонава, «постмадэрнізм — даволі незвычайнае ўспрыманне свету менавіта як тэксту. А паколькі ў другой палове XX стагоддзя яно знайшло ўвасабленне ў вялікай колькасці твораў рознай жанравай прыналежнасці, з'явіліся падставы гаварыць пра постмадэрнізм і як пра пэўны літаратурны стыль. Галоўная прыкмета апошняга — скіраванасць пісьменніцкай увагі на літаратурную спадчыну» [2, с. 132]. Паняцце «тэкст» трэба разумець не як лінейны ланцужок слоў, які выражае пэўную ідэю, мае сэнс. Ролан Барт, прадстаўнік постструктуралізму, падкрэсліў: «Тэкст прыняцкова адрозніваецца ад літаратурнага твора: гэта не эстэтычны прадукт, а знакавая дзейнасць...» [3, с. 81].

Постмадэрнісцкі стыль угадваецца праз актыўнае выкарыстанне пэўных сімвалаў, якія часта можна знайсці ў адным і тым жа творы, — лабірынт, бібліятэка, дом, кніга, люстэрка, сад, рака.

Дом, хата, жыллё чалавека ў народнай аксіялогіі беларусаў — сімвал найвялікшай каштоўнасці: «свая хатка як родная матка». Кожнае жыллё ў традыцыйнай свядомасці надавала свету прасторавы сэнс, аддзяляла чалавека ад навакольнага свету. «У доме як бы суіснавалі чалавек і Сусвет, нутранае і вонкавае, таму становіліся магчымымі перакадзіроўкі паміж часткамі чалавечага цела, элементамі космасу і дэталямі дому» [4, с. 157—158]. Сад успрымаецца як сімвал культурнай прасторы, замкнёнага чалавечага свету, увасабленне плоднасці, дабрабыту, бяспекі, кахання, шчасця, стэрэатыпны локус птушак, дзяўчыны; як знак найвялікшай каштоўнасці ён стасуецца з выраем. Апазіцыя